

КРИТИКА НА ОДУ

Строфа I

Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градѡв ограда.

Градѡв ограда,— сказать не можно. Можно молвить селения ограда, а не ограда града; град от того и имя свое имеет, что он огражден.

Я не знаю сверх того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружие, а не тишина.

Гѡрод имеет в родительном падеже множественного числа городѡв, а град гра́дов, а не градѡв; для того что в именительном падеже множественного числа город имеет звание городá, а град гра́ды, а не градá и не грады.

Сказано в той же строфе к тишине:

Сокровищ полны корабли
Держаут в море за тобою;

Что корабли держают в море за тишиною и что тишина им предшествует, об этом мне весьма сумнительно, можно ли так сказать, тишина остается на берегах, а море никогда не спрашивает, война ли или мир в государстве, и волнует тогда, когда хочет, как ни случится, в мирное ли, или в военное время.

Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Я думаю, что тишина сыплет щедрою рукою по земли богатство, а не свое богатство, которого она не имеет.

Строфа II

Великое светило миру.

Я не говорю, что мир здесь в дательном, а не винительном поставлен падеже, и приемлю то за стихотворческую вольность, которую дает нам употребление, и сам оную вольность употребляю; однако когда кто которую вольность сам употребляет, не ставя того в порок; то уже оную и у другого критиковать не надлежит. Все равно что вместо светило мира

сказано светило миру,— что вместо не помню своего рода, своего роду, или вместо трона трону.

Блстая с вечной высоты.

Можно сказать вечные льды, вечная весна. Льды потому вечны, что никогда не тают, а вечная весна, что никогда не допускает зимы, а вечная высота, вечная глубина, вечная ширина, вечная длина — не имеют никакого знаменования.

На бисер, золото и порфиру.

С бисером и золотом порфира весьма малое согласие имеет. Приличествовало бы сказать: на бисер, серебро и золото, или на корону, скипетр и порфиру; оные бы именованья согласнее между себя были.

Но краше в свете не находит
[Елисаветы] и тебя.

Что солнце смотрит на бисер, золото и порфиру, это правда, а чтобы оно смотрело на тишину, на премудрость, на совесть, это против понятия нашего. Солнце может смотреть на войну, где оно видит оружие, победителей и побежденных, а тишина никакого существа не имеет, и здесь ни в каком образе не представляется, как например в Епических Поемах добродетели и прочее тому подобное.

Но в девятом стихе сей строфы ни к чему не привязано, и не знаю для чего вставлено.

И зрак приятнее рая.

Приятнее, кроме вольности и ошибки, не употребляется, а здесь в вольности никакой нет нужды, и надлежало написать приятняе.

Зрак приятнее рая, сказать не можно. Какой-нибудь земле можно сказать приятняе рая. Например Италия приятняе рая; а о зраке человеческого надлежало бы сказать например так: *И зрак приятняе зрака богини* или что-нибудь иное сему подобное.

Строфа III

Войне поставила конец.

Войну окончать или сделать войне конец, сказать можно, а войне поставить конец, я не знаю можно ли сказать. Можно употребить вместо построить дом, поставить дом, а вместо окончать войну весьма мне сумнительно, чтоб позволено было написать конец. Говорится сделал начало, сделал конец, а не поставил.

На целый запад и восток.

Целый запад сказать в русском языке весьма не свойственно. Говорится на весь запад. Цело в русском языке знаменует то, что не испорчено.

На целый запад и восток.

Лутче бы сказать на весь свет, а если употреблен запад и восток, так я не ведаю, для чего север не сказан. Что не сказан юг, тому я еще не столько удивляюсь.

Строфа IV

Когда от радости премены
[Петровы] возвышали стены
До звезд плескание и клик!

Не стены возвышают клик, но народы. Говорится весь град восклицает, вся страна и вся земля восклицает. Под именем града я разумею граждан, под именем страны разумеются народы, живущие в ней, а под именем стен я одни кирпичи разумею.

Несть рукою, не говорится, подобно так как смотреть глазами, слышать ушами, ходить ногами. Говорится: я ето нес на себе; так несть рукою покажется из далека для сего разделения положено. Однако ношу или держу скипетр рукою, или что подобное тому, сказать не можно. Когда ж говорится о красоте,—несть крест, показывает крест быть в руке; а несть крест на себе не говорится. А говорится крест на себе иметь.

Доброт твоих.

Что добродетель я знаю, а что доброта не ведаю.

Строфа V

Твои щедроты ободряют
Наш дух, и к бегу устремляют.

Наш дух — есть перенос не простительный.¹

К бегу устремляют.

Можно догадаться, к чему ето написано; однако ето так темно, что я не думаю, чтоб кому ето в чтании скоро вообразиться могло. А для чего в етом месте ясность уничтожена и притом натянуто, то тотчас рассмотреть удобно. Нужно было сравнение, чтоб сравнять дух наш с пловцом. А сравнение нашего духа с пловцом весьма безобразно, и не знаю стоило ли оно, чтоб для него уничтожить ясность. Можно сказать: льется кровь как вода, человек свиреп как лев; но нельзя сказать: наш дух как пловец, наша злоба как лев, наше смирение как агнец и прочее.

Летит корма меж водных недр.

Летит меж водных недр не одна корма, но весь корабль. Сочинитель сей оды хулит, что я взял многое в свою трагедию из французских стихотворцов. Правда, я брал нечто, и для чего то не сделать по русски, что на французском языке хорошо. В том только сила, хорошо ль я то по русски сделал. Я ж не для того брал, чтоб мне то за свое положить,

и ни от кого оно не утаивал, но еще и показывал. Я ж нарочно брал те стихи, которые многим знакомы, чтоб показать хорошо ль то в русском языке будет. Однако я еще не столько брал, как все другие славнейшие стихотворцы, каков например Расин. И никто во всей моей трагедии не сыщет чужих стихов ни тридцати, а в шестнадцати стах того очень немного. Да для чего мне того не делать, когда то все всех народов лучшие стихотворцы делать не стыдились? Ето ж и не стыдно. А ежели стыдно, для чего он, г. Ломоносов, «летит корма меж водных недр» положил, он и сам не отречется, что ето он у меня взял.

Строфа VI

Молчите пламенные звуки.

Пламенных звуков нет, а есть звуки, которые с пламенем бывають.

Изволила, слово положенное в начале четвертого стиха сей строфы, не знаменует того, что тут прилично и чего сочинитель хотел. Надобно было сказать изволит или благоволила. Благоволила знаменовало бы намерение и исполнение, а словом изволила сказано здесь весьма темно, так как бы расширяла науки.

Вы, наглы вихри, не держайте
Реветь.

Реветь — опять непростительный перенос.

Но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.

Ветром кротко разглашать наши времена! Ето уходит от понятия моего. Мне кажется, что больше ветр, то больше он делает разглашения. А прекрасны времена не знаю можно ли сказать. Можно сказать прекрасные дни, говоря о днях весенних, прекрасные девицы, и прекрасные времена, ежели говорится о погоде, а счастливые времена прекрасными не называются.

В безмолвии внимай вселенна.

Вселенна употребляется по вольности вместо вселенная, которая вольность весьма нечувствительна; однако для чего сочинитель сей оды в моих стихах ету вольность критиковал, когда он и сам ее употребляет?

Се хочет лира восхищенна.

Говорится разум восхищенный, дух восхищенный, а слово восхищенная лира, равно так слышится, как восхищенная скрипица, восхищенная труба и прочее.

Строфа VII

Ужасный чудными делами.

Бог велик чудными делами, а не ужасен.

Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.

Ето взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей оды сделаны и которые так написаны о Петре ж Великом:

От начала перьва века,
Такового человека,
Не видало естество.

От начала перьва века,—сказал я, кажется мне, ясно, а от века ничего не знаменует; иное бы было, ежели б было сказано: во всей вечности не слыхано; а от века, ето я не знаю что.

Строфа VIII

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках.

Меч бывает не в руках, но в руке.

Свой меч. Марс видел в руке Петровой меч, а не свой меч.

И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на Российский флаг.

Нептун чудился. Чудился — слово самое подлое и так подло, как дивовался. Нептун не чудился, удивлялся, а ежели меч свой видел в чужих руках, так лутче бы сказать страшился, устрашался или ужасался.

В руках и флаг не делают никакой рифмы.

В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна.

Что зданиями окруженна, я знаю, а что в стенах укрепленна — етого я не понимаю; еще бы мне понятнее было, ежели б было сказано стенами укрепленна; хотя Нева стенами и не укрепленна, кроме крепости. А укреплен Петербург, да не стенами, Кронштадом.

Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?

Надобно бы было сказать:

Или я ныне позабывшись
С оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?

Строфа IX

Сия строфа, хотя и не из лутчих в сей оде, однако критике не подвержена, ежели не весьма строго критиковать.

Строфа X

К несносной скорби наших душ.

Лутче бы было сказано, к несносной нашей скорби, а не к скорби душ. Сочинитель сей оды под скорбию души разумел печаль, а многие не без основания будут разуместь болезнь, от какой тело страдает. Однако я ето не очень критикую.

Нас в плаче погрузил глубоким.

Прилагательное имя глубокой к плачу не приставливается. Можно сказать в глубокой печали, а не в глубоком плаче. И в глубоких потоках слез сказать нельзя, не только в глубоком плаче.

Внушил рыданий наших слух.

Рыданий наших слух, рыданий наших глас, или рыданий наших вопль, ни на каком языке сказать, что б то не подвергалось правильной критике, не можно.

Верхи парнасски восстенали.

Восстенали музы, жувущие на верхах парнасских, а не верхи.

Строфа XI

Сомненный их шатался путь.

Они на пути шатались, а не путь шатался. Дорога никогда не шатается, но шатается, что стоит или ходит, а что лежит, то не шатается никогда.

И токмо, шествуя, желали.

Токмо есть слово приказное, равно так, как *якобы* и *иметься*, а не стихотворное.

На гроб и на дела взглянуть.

На гроб взглянуть можно, а на дела нельзя. А если можно сказать: я взглянул на дела, так можно и на мысль взглянуть молвить.

Строфа XII

О коль согласно там бряцает.

Бряцает и бренчит есть слово самое подлое; но еще бренчит лутче, что оно употребляется, а бряцает не употребляется никогда, и есть слово нововымышленное, и подло как выговором, так и знаменованием.

О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!

Бряцают струны, а не глас, а глас и бряцание все одно, с тем только разнством, что глас дале слышится, нежели бряцание или бренчанье.

Все холмы покрывают лики.

Холмы еще не значат множества холмов, а все холмы знаменуют множество холмов. Какие ж лики их покрывают? Муз и всех только девять, а не полки.

Строфа XIII

И в поле весь свой век живет;

В поле весь свой век живет пастух, а воины в поле выходят, а живут часто и не в полях.

Воина сочинитель сей оды берет за военачальника. А воин не военачальника знаменует, но всякого, кто воюет.

Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны.

Сии два стиха, по которым они начинаются, ни к предыдущему ни к последующему не привязаны, и так невместно поставлены, что и критики не достойны, а я могу клясться, что я не постигаю слагательства мнения, для чего он их написал.

И шум в полках со всех сторон
Звучашу славу заглушает.

К чему *И* здесь привязано, я не могу же понять. А что шум со всех сторон звучашу славу заглушает, в этом я никакого возвышения стихотворного духа не вижу. Мне кажется, чтоб его лутче было, чтоб оной со всех сторон происходящий шум, гремящего славы гласа не мог заглушить. Глас славы больше бы стиху дал величества, нежели народной крик, которой стиха ни мало не возвышает.

И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Трубный глас не гремит, гремят барабаны, а ежели позволено сказать вместо трубного гласа трубный гром, так можно сказать и гром скрипцы, и гром флейты. Если плачевный побежденных стон глушит глас славы, то, конечно, из того следует, что возглашает не громко. А потому что слава громко возглашает, то плачевный побежденных стон гласу славы не мешает. Глас славы далеко слышится, а побежденных стон не далеко простирается.

Строфа XIV

Сия тебе единой слава
[Монархиня] принадлежит.

Я не знаю на что здесь стихотворец указывает. Ежели его называется одической перерыв, так этот перерыв и ошиб-

ка очень велики. Надобно отрываться с тем, чтоб опять возвратиться; а здесь, что он оторвался, я вижу, а чтоб он возвратился — того не видно.

Сия тебе единой слава
[Монархия] принадлежит.

Я как ни умствую, не постигаю, на что он указывает.

О как тебе благодарить!

Этот стих со всем своим восклицанием слаб: и нет ничего хуже, как слабое восклицание.

Что щедростью твоей цветет.

Говорится щедрота, а не щедрость; щедрость не русское слово.

Строфа XV

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство.

Надобно, следуя правилам всех языков, сказать:

Когда всевышний поручил
Толикое земель пространство
Тебе в счастливое подданство.

Однако это совсем за худое почестъ нельзя.

Всевышний не говорится, а говорится вышний. Иное дело всемогущий. Всемогущий тот, кто все что ни есть может. А ежели по тому примеру написать вышнего, так будет всех или всеговышний; вышний слово совсем столько ж неупотребительное, как всевышний.

В счастливое подданство — не говорится нигде, а говорится в счастливое подданство.

Какими хвалятся Индія;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.

Индия слывет эта земля, а не Индія.

Индія и Россия — рифмы самые бедные, и выговором и тем, что они обе имена свойственные,² что только в самой нужде полагается.

Строфа XVI

Меж льдистыми горами:

Меж льдистыми — делает выговору великую трудность, что я весьма обегать стараюсь; однако и это я за большой порок не ставлю.

Впрочем, эта строфа выработана хорошо.

Сравнившись морю широтой.

Надобно по грамматическим правилам сказать: *Сравнившись с морем широтой.*

Строфа XVII

Во втором стихе сей строфы вместо природы или естества поставлена натура, и хотя ето и простительно, однако для чего слово натура в русских речах без нужды употреблять?

Где в роскоше прохладных теней.

Роскошь прохладных теней — весьма странно ушам моим слышится.

Роскошь тут головою негодится. А тени не прохладные; разве охлаждающие или прохлаждающие.

Охотник где не метил луком.

Где надлежало поставить по грамматическим правилам пред охотником, и сказать: *Где охотник не метил луком.*

А это только для меры стоп испорчено.

Не метил луком.

Не луком метят охотники, стрелами, ежели из луков стреляют. Но для чего здесь один лук поминается? Есть у охотников и другое оружие, которое они для охоты употребляют. Из лука птиц реже бьют, нежели из фузей. Или для того, что стук для рифмы надобен был?

Впрочем, и ета строфа изрядная.